

Т.К.Батурова

ПУШКИН И АЛЬМАНАХ “УРАНИЯ”

Освещая участие Пушкина в альманахах, исследователи пишут, как правило, об изданиях больших и авторитетных — “Северных цветах”, “Деннице”. Альманахи же скромные, менее популярные отходят на задний план. “Уrania” в их числе. В результате проблема связей Пушкина с периодическими изданиями остается не проясненной до конца, а ведь она имеет много аспектов, и участие Пушкина даже в малоизвестном альманахе заслуживает внимания, так как является моментом культурной жизни русского общества.

Произведения Пушкина стали появляться на страницах альманахов и сборников в самом начале 20-х годов. В 1821 году было опубликовано “Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности”. Во второй части, украшенной портретом В.А.Жуковского, была представлена поэзия молодого Пушкина. Совсем недавно, по выходе в свет “Руслана и Людмилы”, восхищенный Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью “Победителю-ученику от побежденного учителя”; в “Новом собрании...” муза Пушкина вновь была освящена изображением Жуковского, а стихи учителя и ученика явились вместе.

С этого времени произведения Пушкина постоянно печатались в альманахах. Они были опубликованы в “Новых Аонидях”, “Полярной звезде”, “Мнемозине”, “Невском альманахе”, “Северных цветах”, “Урании”, “Альбоме северных муз”, “Эвтерпе”, “Букете благоуханных цветов”, “Листках граций”, “Подснежнике”, “Деннице”, “Царском Селе”, “Альционе”, “Радуге”, “Сиротке”... Здесь увидели свет множество лирических шедевров поэта, отрывки из южных поэм, “Евгения Онегина”, сцены из “Бориса Годунова”, “маленькие трагедии”. Порой альманахи печатали и ноты к поэтическим строчкам Пушкина: “Мнемозина” во второй и четвертой книжках поместила ноты романса М.Л.Яковлева “Слеза”, написанного на стихи Пушкина, в третьей книжке опубликовала ноты

"Татарской песни" из "Бахчисарайского фонтана", положенной на музыку В.Ф.Одоевским. "Денница" на 1834 год вслед за текстом пушкинского "Певца" дала ноты романса А.Н.Верстовского. Гений Пушкина жил и в иллюстрациях альманахов: "Полярная звезда" на 1825 год опубликовала иллюстрацию к "Братьям разбойникам", отрывок из поэмы был приведен здесь же, как и отрывок из "Цыган". "Невский альманах" на 1827 год поместил четыре иллюстрации к "Бахчисарайскому фонтану", а его книжка на 1829 год представила шесть иллюстраций к "Евгению Онегину" и привела отрывки из романа. Альманах "Подснежник" поместил портрет Пушкина работы О.А.Кипренского, гравированный Н.И.Уткиным¹.

Имя Пушкина присутствовало и в критической мысли альманахов. Многие из них печатали обзорные статьи, посвященные успехам русской словесности за истекший год, и здесь это имя было центральным, служило ориентиром русской поэзии.

Все это говорит о том, что Пушкин был основной фигурой в альманахах; весь "альманажный период" русской литературы, начавшийся в 1823 году и продолжавшийся более десяти лет, был связан с ним. Участие Пушкина в альманахах, отношение его к различным изданиям этого рода В.Г.Белинский положил в основу их классификации: критик выделил три группы альманахов: "аристократы", "мещане", "мужики", — и дал им меткую характеристику: "Аристократические альманахи украшались стихами Пушкина, Жуковского и щеголяли стихами гг. Баратынского, Языкова, Дельвига, Козлова, Подолинского, Туманского, Ознобишина, Ф.Глинки, Хомякова и других модных тогда поэтов. Эти альманахи издавались или известными литераторами, или людьми, имевшими большие и прочные литературные связи, — и потому все знаменитости охотно снабжали их своими произведениями; сочинения же посредственные или плохие попадали туда для балласта. Альманахи-мещане преимущественно наполнялись издателями сочинителей средней руки и только для обеспечения успеха щеголяли несколькими пьесками, вымоленными у Пушкина и других знаменитостей, которые бросали в них что-нибудь залежавшееся в их портфелях, что-нибудь такое, чего бы они и совсем не желали видеть в печати. Альманахи-мужики наполнялись стряпнею сочинителей пятнадцатого класса, горемык, которые за удовольствие видеть себя в печати готовы были платить деньги"².

"Уранию" Белинский отнес к "альманахам-мещанам", то есть к изданиям, с которыми Пушкин не был кровно связан и которые не играли особой роли в его творческой биографии. Тем не менее и на "Урании", выпущенной всего один раз, лежит ответ пушкинского гения. Она восстанавливает контекст творчества Пушкина 20-х годов, дает срез культурных и духовных устремлений

русского общества этого времени, представляет во всей сложности литературный процесс эпохи.

“Уrania” вышла в 1826 году в Москве и имела подзаголовок “Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности, изданная М.Погодиным”. Сейчас трудно однозначно определить смысл названия альманаха. Слово “Уrania” связано с греческой мифологией и имеет несколько значений. Это и имя богини Афродиты — олицетворения физических сил природы, и название музы — покровительницы астрономии. Очень возможно, что наименование альманаха обусловлено романтической мыслью об устремленности поэзии к небесам — “истинному своему жилищу”, которая была характерна для М.П.Погодина и близких ему литераторов, увлеченных идеями немецкой идеалистической философии, прежде всего Ф.В.Шеллинга. Показательно, что у Ф.И.Тютчева есть философское стихотворение “Уrania”, написанное в 1820 году; здесь Уrania — богиня одухотворенной, “небесной” любви. Это стихотворение было прочитано магистром С.А.Масловым в торжественном собрании Московского университета и опубликовано в “Речах и отчетах императорского Московского университета” в том же 1820 году. Погодин, бывший тогда студентом университета, безусловно, его слышал и знал. К тому же у Погодина были дружеские отношения с Тютчевым. Они часто беседовали “о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом, о Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо”³. Литература русская и западноевропейская, религия, история, философия волновали и Погодина, и Тютчева. Неудивительно совпадение названий погодинского альманаха и тютчевского стихотворения.

В период издания “Урации” Погодин был еще молод, ему исполнилось 25 лет, он только начинал свою творческую деятельность. Слава большого журналиста, публициста, издателя, переводчика, беллетриста, драматурга, археолога, историка, коллекционера была впереди. А к 1826 году Погодин успел окончить Московский университет, защитить диссертацию о происхождении Руси и получить степень магистра русской истории, стать преподавателем Московского университета. Человек очень энергичный, предприимчивый, общительный, Погодин имел огромный круг знакомых, и организация издательского дела не составила для него особой сложности.

Приступая к подготовке альманаха, Погодин очень хотел получить поддержку Пушкина и напечатать его произведения, так как понимал, что это определит успех нового издания. Но с Пушкиным он еще не был знаком лично. Их первая встреча произойдет

лишь 11 сентября 1826 года, по возвращении поэта из михайловской ссылки в Москву, и приведет к долгому сотрудничеству, частым встречам и переписке. А пока Погодин обратился за помощью к своему доброму приятелю П.А.Вяземскому, и тот в октябре 1825 года написал Пушкину в Михайловское следующие строки: "Здесь есть Погодин, университетский и, по-видимому, хороших правил: он издает альманах в Москве на будущий год и просит у тебя Христа-ради. Дай ему что-нибудь из Онегина или что-нибудь из мелочей" (XIII, 239). С горячим нетерпением ожидал Погодин ответ Пушкина. В начале декабря 1825 года из Михайловского пришло письмо весьма резкого содержания. Пушкин писал Вяземскому: "Ты приказываешь, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших" (XIII, 245). Думается, что не очень уважительный тон пушкинского письма объясняется прежде всего временем его написания. Пушкину в ту пору было не до новых альманахов: в Михайловское приходили известия о напряженной обстановке в Петербурге. К тому же поэт обращался к своему старому другу, с которым обычно не церемонился в выражениях, и писал ему в стиле арзамасского наречия. В письме было пять небольших стихотворений: "Мадригал", "Движение", "Совет", "Соловей и кукушка", "Дружба". С этих произведений, вошедших в "Уранию", и началось сотрудничество Пушкина с Погодиным.

Помимо Пушкина и самого Погодина, опубликовавшего в "Урании" две только что написанные повести — "Нищий" и "Как аукнется, так и откликнется", — участниками альманаха стали Е.А.Баратынский, Д.В.Веневитинов, М.А.Дмитриев, А.Ф.Мерзляков, С.Д.Нечаев, А.С.Норов, В.Ф.Одоевский, Д.П.Ознобишин, А.И.Полежаев, С.Е.Раич, И.М.Снегирев, П.М.Строев, Ф.И.Тютчев, С.П.Шевырев... — таланты разные по силе и по направленности. Большинство из них связано с Московским благородным пансионом, Московским университетом, кружком Раича, Обществом любителей и жило идеями немецкой романтической эстетики и философии. Эти идеи нашли воплощение прежде всего в альманахе "Мнемозина", который издавали В.К.Кюхельбекер и В.Ф.Одоевский в 1824 — 1825 годах. Задача "Мнемозины" состояла в распространении на русской почве учения немецких философов-идеалистов и в выработке на его основе своих литературных концепций, прежде всего утверждение народности и самобытности. Прекращая издание "Мнемозины", Одоевский писал: "Главнейшая цель издания нашего была — распространить несколько новых мыслей, блеснувших в Германии; обратить внимание русских читателей на предметы, в России мало известные, по крайней мере, заставить говорить о них; положить конец нашему пристрастию к

французским теоретикам; наконец, показать, что еще не все предметы исчерпаны, что мы, отыскивая в чужих странах безделки для своих занятий, забываем о сокровищах, вблизи нас находящихся”⁴. Это направление “Мнемозины” получило развитие в “Урании”, многих авторов “Мнемозины” Погодин привлек в свой альманах. “Урания” выразила идеи философского романтизма, который расцветет в русской литературе позднее, в 30-е годы, но он сказался уже и в поэзии, и в прозе погодинского альманаха. В “Урании” получили развитие натурфилософские и космологические представления; здесь встречаются образы-идеи из сферы философии, истории, антропологии. Для многих произведений альманаха характерны философская медитативность, углубленный психологизм. Очевидна главенствующая роль философского начала в “Урании”.

Альманах открывался стихотворением А.Ф.Мерзлякова, его лучшими переводами классических авторов. Это были “Гимн Зевсу”, “Гимн Венере”, “Гимн Марсу”, “Гимн Пану”, “Гимн Луне”, “Венере от Сафо”. Они заключали в себе высокую идею обожествления природы, столь дорогую для последователей Шеллинга.

Сложную мысль поэта-философа, выраженную нарочито тяжелыми стихами, несли в себе произведения С.П.Шевырева: “Мой идеал”, “Я есмь”, “К Агатону”. Они характеризовались “сильной гармонией”, обилием архаизмов, элементами высокого одического стиля.

Молодой Ф.И.Тютчев поместил в “Урании” три стихотворения: “К Нисе”, “Песнь скандинавских воинов”, “Проблеск”. Выраженные в них мысли были понятны и дороги любознательным. Особенно это относится к стихотворению “Проблеск” — высокому и трагическому философскому созданию об устремлении человека к небесам, к вечному, бессмертному началу, об обретении им счастья и свободы в этом порыве и о неспособности перенести слияние с небом, ведь “не дано ничтожной пыли дышать божественным огнем”.

Центральным философским произведением “Урании” явилось прозаическое сочинение Д.В.Веневитинова “Утро, полдень, вечер и ночь”, где природа рассмотрена в ее историческом развитии, исследованы этапы человеческого познания. Здесь развернута выработанная Веневитиновым концепция, согласно которой человек познает мир в три этапа и идет от первобытной гармонии с природой через дисгармонию и борьбу с противоречиями мира к слиянию с природой, обретению осознанной гармонии. В небольшом философском этюде Веневитинова развит романтический взгляд человека как на “малый мир”, отражающий вселенную, дана модель познания бытия: от личности к космосу.

Мыслям Веневитинова созвучны суждения В.Ф.Одоевского, опубликовавшего в "Урании" философское сказание "Заветная книга", в котором воссоздана история земли, представлено космическое мирозерцание. Одоевский характеризует основные этапы жизни человечества: от первых дней гармонии до времен разъединения и бедствий.

В восточной повести Д.П.Ознобищина "Спор" выражена важная для романтиков идея двоемирия, представленная и в философском этюде Веневитинова. Мир действительный, живые чувства оказываются выше мира призрачного, выше самых сокровенных желаний и грез.

Особое место среди публикаций "Урании" заняла "Отечественная старина" П.М.Строева. Здесь идет речь об истории не вселенной и земли, а России. Этот вопрос волновал Шеллинга; тема России, соотношения русского и европейского начал была в центре внимания и московских философов-шеллингианцев. В "Отечественной старине" отражены история страны, вера, национальные черты, обычаи, быт разных слоев русского общества. Главная мысль Строева заключена в утверждении особенностей русского пути: Россия отлична от Европы, у нее свои законы, свое предназначение.

Такова в общих чертах высокая философская направленность "Урании". На мощном философском фоне альманаха и предстали пушкинские стихотворения. Все они очень короткие, два из них — четверостишия. И по содержанию, и по форме эти произведения совсем не похожи на сложные, философски насыщенные публикации "Урании". Но в них при всей видимой простоте, ясности и прозрачности выражены серьезные мысли о жизни, человеческих отношениях, литературных проблемах.

Совсем необычно звучит пушкинский "Мадригал". Из-под пера поэта выходит не стихотворный комплимент, как того требовал жанр, а язвительная эпиграмма на умную светскую красавицу, которая не несет счастья ни себе, ни окружающим. Пушкин убеждает читателя, что не всегда видимые достоинства дают человеку "благодать".

В стихотворении "Движение" поэт от спора двух греческих философов — Зенона и Диогена, посвященного сущности движения, идет к осмыслению современного мира, соотношения в нем истинного и мнимого, говорит о неоднозначности восприятия человеком бытия.

Две пушкинские эпиграммы — "Совет", "Соловей и кукушка" — решают литературные проблемы. "Совет" — о нападках литературных недругов. Их "рой журнальный" подобен рою слепней и комаров, и поступать с ним поэт советует подобающим образом: не возражать "на писк и шум нахальный", не смирять "ни логикой,

ни вкусом", не сердиться, а бить "проворной эпиграммой". Этот мудрый совет определялся, безусловно, собственным литературным опытом Пушкина и, по мнению Б.В.Томашевского, был обращен прежде всего к П.А.Вяземскому, часто отвечавшего полемическими статьями на нападки журналистов.

Эпиграмма "Соловей и кукушка" очень напоминает басню — по названию, по образной системе, по композиции, по идее. Противопоставляются два типа поэтов — соловей, "весны певец разнообразный", и "бестолковая кукушка", твердящая свое куку. Против поэтического однообразия, против "элегических куку" и направлена эпиграмма Пушкина. Жанр элегии, один из ведущих в романтической поэзии, уже в середине 20-х годов представлялся Пушкину однообразным и исчерпавшим себя в творчестве поэтов-эпигонов. Его стихотворение — отклик на полемику об элегическом жанре, развернувшуюся в то время в литературной критике.

Последнее стихотворение Пушкина в "Урагии" — "Дружба" — очень короткое, но идейно и эмоционально насыщенное раздумье о важнейшем человеческом чувстве. Стихотворение начинается с прямого вопроса: что такое дружба? А потом одно за другим следуют горькие определения, которые рождаются у поэта, остро ощущающего свое одиночество в михайловском заточении: "Легкий пыл похмелья, / Обиды вольный разговор, / Обмен тщеславия, безделья / Иль покровительства позор".

В стихотворениях Пушкина, опубликованных в "Урагии", несмотря на их краткость и кажущуюся простоту, заключена своего рода философия. Это не романтическая философия любознательных, обращенная к космическим высотам, к проблемам мироздания, а философия реальной человеческой жизни. Остро ставя серьезные вопросы — истинной и мнимой красоты, восприятия жизни, литературного творчества, человеческих отношений, — Пушкин не дает философских умозаключений, а заставляет читателя думать, сопоставлять жизненные явления и делать выводы. При этом он не скрывает своего собственного отношения к рассматриваемой проблеме, мысль и чувство его обнажены, подкупают искренностью и открытостью.

Пушкин начал писать эпиграммы рано, еще в Лицее, и его многочисленные создания в этом жанре были очень язвительные, злые, даже грубоватые и имели конкретного адресата. К середине 20-х годов меняется характер пушкинских эпиграмм: они становятся более философскими, глубокими, приобретают обобщающий смысл. Это подтверждают стихотворения, опубликованные в "Урагии". К ним ближе всего в альманахе, пожалуй, басни П.А.Вяземского, переведенные с польского. Они напечатаны вслед за "Мадригалом" Пушкина. Эти басни, так

похожие по форме на эпиграммы, ненавязчиво несли читателю жизненную мудрость. В них ставились проблемы отцов и детей, власти и подданных, истинного и ложного восприятия жизни.

Прослеживается определенная связь пушкинских стихотворений и с произведениями Е.А.Баратынского, опубликованными в "Урании". Их три: "К ***, посылая тетрадь стихов", "Ожидание", "Климене". Это небольшие, очень изящные, мастерски выполненные психологические миниатюры, которые могут быть отнесены к "лирике самопознания". Если Пушкин и Вяземский на страницах "Урании" обращались к конкретным жизненным проблемам и ситуациям, то Баратынский погружался в мир души. Три его стихотворения при всей тональной несхожести оказываются внутренне взаимосвязанными: в них развивается одна тема, представлена эволюция любви, причем на всех этапах развития это чувство соприкасается с душевной болью. Баратынский в этих стихотворениях, в отличие от любомудров, не стремится к философским высотам, к вселенским обобщениям, но поднимается над жизненной суетой, осмысливает скрытые трагедии человеческого бытия.

Публикации "Урании" свидетельствуют о разнообразии философских устремлений литераторов пушкинской поры: одних влекли проблемы мироздания, другие обращали свои взгляды на реальную жизнь, на переживания конкретного человека. Разные философские подходы легко уживались в одном периодическом издании и давали общую картину творческих поисков писателей 20-х годов. Альманах Погодина наглядно продемонстрировал, как сквозь романтическое начало в литературе пробивалось реалистическое мировосприятие.

Участие Пушкина в судьбе "Урании" не ограничилось публикацией пяти стихотворений. Поэт оказал определенное влияние на дальнейшую историю альманаха. После выхода в свет "Урания" имела несомненный успех. Пушкинский круг тепло принял новое издание. Чего стоил один отзыв А.А.Дельвига! Издатель "Северных цветов" спешил поздравить нового коллегу по альманачному делу и писал Погодину: "Уважая и любя вас за литературные труды ваши, я не знал ни вашего имени, ни места жительства. Позвольте поблагодарить вас за приятное товарищество на поприще альманахов. "Урания" меня обрадовала одна в этом году, прочие соперники наши лучше бы сделали, если бы не родились. Вы мне давно знакомы и не по одним ученым, истинно критическим историческим трудам, но и как поэта знаю и люблю вас"...⁵ Окрыленный успехом, Погодин задумал издать вторую часть "Урании" и уже начал хлопотать о литературных вкладах в нее. Но против этого намерения энергично восстали литератор В.П.Титов и Пушкин, с которым у Погодина установились добрые отношения.

31 августа 1827 года поэт писал Погодину из Михайловского: “Вы хотите издать “Уранию”!!!... Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы !.. Нет, Вы не захотите марать себе рук альманашной грязью... Еще слово: издание “Урании”, ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить Вам в общем мнении порядочных людей... Публика наша глупа, но не должно ее морочить.” (XIII, 340—341). Это резкое высказывание Пушкина заключало в себе не оценку “Урании”, а неприятие “лавочников литературы”, которые к концу 20-х годов превратили издание альманахов в сугубо коммерческое предприятие. Но пушкинские слова сыграли свою роль: Погодин оставил мысль о второй части альманаха и целиком сосредоточился на журнале “Московский вестник”, продолжая уже здесь сотрудничество с авторами, которые были представлены в “Урании”, в том числе и с Пушкиным. И все же его альманах, несмотря на краткость существования, сказал свое слово в литературе. Он внес немалый вклад в утверждение философского романтизма и одновременно наметил вхождение реалистического мироощущения в эстетическое сознание ведущих русских писателей. “Урания” развила идеи “Мнемозины”, в значительной степени подготовила почву для “Московского вестника” и для альманаха М.А.Максимовича “Денница”.

¹ См.: Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII - XIX вв. М., 1965.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 214 — 215.

³ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Спб., 1888. Т. I. С. 70 — 71.

⁴ “Мнемозина”. 1825. Ч. IV. С. 232 — 233.

⁵ Барсуков Н.П. Указ. соч. Т. I. С. 319.

